

ВАВИЛОН—XXI. ФАРС НЕПОНИМАНИЯ

Если бы я был богатым российским прокатчиком

Юрий
Гладильщиков

Самодопыление

Если кого из режиссеров и не нужно представлять нашим видеонам пер- вой волны (имеется в виду поколение, вступившее в видео- жизнь на рубеже 80-х), то это американца УИЛЬЯМА ФРИДКИ- НА. «Французский связной», «Исчезающий дьявол» — пер- вые ласточки кино иного, на тот момент — нестандартного и вле- кущего. В новом фильме Фрид- кина «Неистовство», собирав- шем в Монреале полные залы, кровь опять хлещет из всех пор. Для современного качественно- го западного кино это почти нонсенс. Вид крови тамонная интеллигентная публика пере- носит достаточно плохо. Но у Фридкина было оправдание. Фильм основан на реальной не- оконченной истории; неожидан- ной того — он был снят еще в 1987 году и не выпущен по юридическим причинам. Friedkin's lost movie (по нашему воль- ному — так попросту «полоч- ный фильм») являет собою исто- рию вполне симпатичного парня, некрофила, убившего восьмерых человек. При этом он расчленил трупы, обливался кровью, пил кровь — хорошо еще, режиссер нас щадит и во все подробности не входит. Случай абсолютно клинический, но... как выясня- ется, по судебным меркам неод- нозначный.

Проблемный кинематограф — в том числе и подобного рода — близок скорее журналистике, с позиций искусства я бы его не рассматривал (американцы, ста- тисти, считают по-иному: наличие в фильме социальной проблемати- ки — это для них черта подлин- ной художественности). Тем не менее фильм Фридкина может оказаться любопытным даже для самой эстетской публики — конечно, с поправкой на то, что в некоторых эпизодах от экрана лучше бы отвернуться. Он под- тверждает некие ожидаемые противоречия внутри демократии, к которым, между прочим, так и не подступилась ливье- ская «Тема» о маньяках.

Коротко говоря: право каж- дого на индивидуальность и не- зависимость самовыражения предполагает, что подобным правом на индивидуальность обла- дает... и человек с психиче- скими отклонениями. Его ненор- мальность — это его норма, и она тоже требует уважения.

Центром и смыслом суда над преступником становятся даже не преступления и не естествен- ный вопрос о том, является ли он сумасшедшим, а его слож- ный внутренний мир. Психологи- ческие проблемы (он верит, на- пример, что умрет, если не буд- дет пить человеческую кровь), потребности, вина общества пе- ред ним и т. п. Бесконечно ци- тируются ни в чем не повинные Фрейд и Фромм, и важно даже не то, в каком контексте цити- руются. Важна интонация спо- ров. Впечатляет отсутствие ужа- са на лицах у консультирующих суд психиатров.

Противоречие между гуман- ностью как способностью про- никнуть в тайные глубины чело- века, оправдать их и облегчить его боль — и возможностью, коли уж идти до конца, оправ- дать любой кошмар и любую не- норму. Противоречие между нормой как серьезностью и стандартом и нормой как един- ственной защитой от ужасов, которые таятся в глубинах че- ловеческого «я».

Конечно, абсурдно предпола-

гать, что щепетильность нынеш- ней Америки в отношении прав всех меньшинств — расовых, религиозных, сексуальных — может обернуться стремлением соблюдать и права маньяков. Кому охота горло под нож? Но факт есть факт, несмотря на упорную логику прокурора, ко- торый явно является в фильме рупором режиссера и все время пытается вернуть суд к основ- ному: этот человек совершил страшные преступления и дол- жен понести наказание — участь преступника до сих пор не ре- шена. Титр гласит, что он все еще пишет петиции об освобо- ждении, и очередное слушание состоится через полгода.

При нормально систематизи- рованном прокате фильм «Неис- товство» собирал бы средних раз- меров залы. Причем — что ред- кость — на фильм о некрофиле пошли бы и интеллектуалы, и

гора Крапачук. Приехали.

Лексико-семантические досто- инства «Крапачука» — тема от- дельная. Журналист Валерий Ки- чин — подтверждая его при- ритет — заметил, что в самом по себе названии горы Крапачук прочтываются и Горбачев, и Карпаты, и даже Кравчук — что почти нелепо, ибо, ко- гда фильм задумывался, прези- дента Кравчука Запад еще не знал. Герои общаются между собой на полной ахинеи — сме- си польского, чешского, серб- ского, болгарского, украинско- го, русского, изобретенного и т. д. Одного из них зовут Поль- ни, другого — Человек. Чело- века, анекдотично крепкую сла- вянскую душу, которую ничто каменное или алкогольное не бе- рет, очень смешно играет наш Петр Зайченко («Такси-блюз»). Они оба только и хотят — до- мой, но их отталкивают и объ-

пали и из системы стандартов (тоже), фильм несколько скуч- неет. Но я готов простить ему и это — за непринужденность и нерабскую. Редкостную трогательность и поразительную ге- нетическую восприимчивость ре- жиссера к чувству ностальгии. Липшатц словно бы сравнял счет. Наши режиссеры в фильмах на подобную тему Западу угождали. Он угождать не стал.

Не стану утверждать, будто «Крапачук» имел бы у нас про- катный суперуспех. В фильме есть что-то неуловимо-интели- гентское. Толстокожую публику он прогнет прядь ли. Но попада- он в сегодняшнюю московскую афишу да с хорошей рекла- мой — стал бы № 1 несомненно. Наряду с новым «Казановой» (см. ниже). Конечно, важно и то, что эмигрантку, приоткрывающую наших героев, играет Анхела Мо- лина, и наша публика наконец-

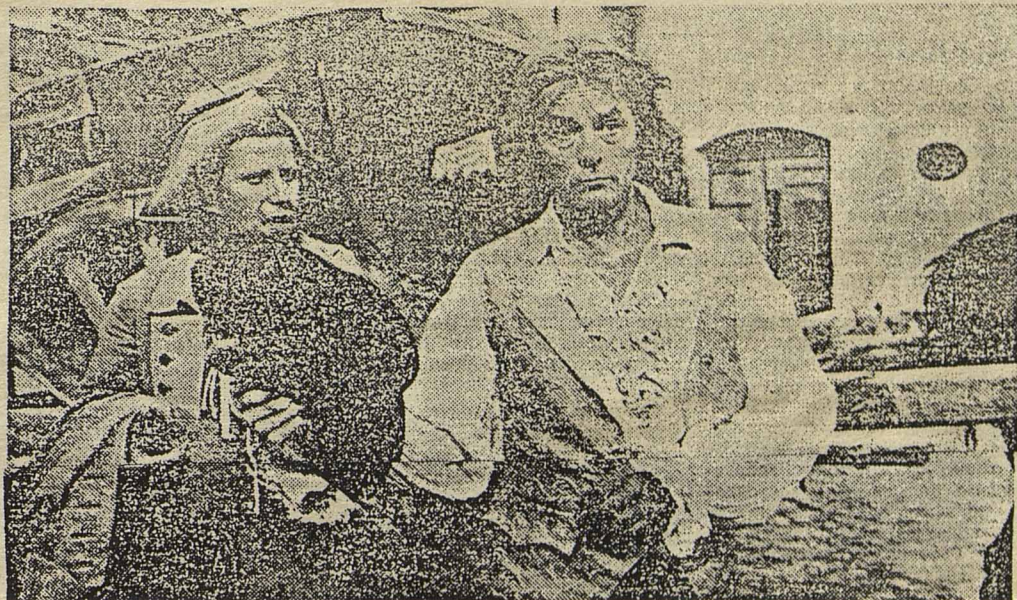
Жить дальше. Он горд и не по- зволяет наступать себе на ногу. Он аморален, как аморален вся- кий законченный эгоцентрист. Он немного ополчился, но не до такой степени, чтобы внут- ренне ослабеть. В этом смысле забавный сюжет обрывает же- стокую развязку вполне логич- но. Безнадежно влюбленный в юную аристократку, бесконечно и оскорбительно презираемый и ее, и молодым офицером — ее любовником, Казанова заго- няет их в угол, обманом завое- вывает свою пассию, а потом и убивает офицера на дуэли. Шо- кирова публику в зале, но не те- ряя, как ни странно, в ее мнении (вот вам обаяние Делона).

Столкновение Казановы с мо- лодыми соперниками — опять- таки чисто идеологическое. Столкновение двух веков и двух жестокостей, допустимых разными веками. Столкновение мифа с рациональностью. Пос- ледняя ошибка наиболее занят- на. Казанова порожден не толь- ко веком Просвещения, но и Ре- нессансом, причем давно дегра- дировавший, выродившийся в букли и обедненные ритуалы. Ве- мя знаков, символов, мифов и сая Казанова — один из мифов, часть идеологии и мироощуще- ния эпохи. Возможно, он пото- му так легко и одерживает по- беды над женщинами, что он — миф, и о нем все знают (не столь и значимо, так ли уж он хорош в любви; хотя, наверное, хорош). А эти новые, молодая пара его соперников, не знают и не хотят знать никаких ми- фов. Поэтому Казанова для них — никто. Они словно бы из ве- ка последующего: эпохи позитивизма, науки, профессиональ- ной выучки, жесткости, нового эгоизма (судя по фильму, мож- но добавить: века достаточно свободной любви — но это все же режиссерское преувеличе- ние). Прошлое не таит для них в себе очарования, они не ви- дят в нем никакой культуры, а видят только старых напудрен- ных придурков. Можно бы до- бавить, что, убивая на дуэли мо- лодого соперника, Казанова яв- но убивает своего собрата с за- датками знаменитого любовни- ка, нового не успешного состо- яться Казанову, и это тоже ло- гично. Продолжаться в новом поколении он не может. Новая эпоха науки и расчетов для Ка- зановы конфликтна. Не убил бы сейчас — так в другой раз.

Мысль более универсальная: молодому миру часто кажется, что со старым не надо даже бо- роться, он рассыплется сам со- бой. Но, оказывается, старый мир достаточно силен. Он опытен, все еще очень честолюбив, и он с зубами.

Отметив эту мысль в «Воз- вращении Казановы», обойдем- ся без аллюзий и параллелей. К нашей жизни фильм не имеет никакого отношения. (Последняя фраза зачеркнута как имеющая вторую и очень опасный проро- ческий смысл.)

Р. С. На другую, не неотрыв- ную тему. Так случилось, что во время этой поездки я мог сравнить сразу три авиакомпа- нии: Эр Канаду, Бритиш Эрвейс и Аэрофлот. Неожиданно и за- нятно: наши сейчас почти не уступают, а англичан даже во многом превосходят. Аэрофлот стареет. Полет сегодня и по- лет два года назад — это два разных удовольствия. Совсем иные, чем прежде, блюда. Огромный выбор газет и т. д. Недавнее решение о преобразовании Аэрофлота в акционерное общество откры- того типа «Российские ме- ждународные авиалинии», будем надеяться, даст ему новый им- пульс. Иметь хорошие нацио- нальные авиакомпании — не по- следнее дело для чувства наци- ональной самодостаточности.



Ален Делон в «Возвращении Казановы».

публика попроще. Любопытство вполне здоровое.

В ИМЕНИ 35-летнего арген- тинского режиссера ЭН- РИКЕ ГАБРИЭЛЯ ЛИП- ШАТЦА (Лившица?) смешаны странные несоответствия. Они устраняются, когда узнаешь, что его род вышел из России. Правда, не так давно он узнал, что те- перь уже — из Молдавии. Россия, в один миг обернувшись Молда- вией, потрясла его настолько, что он, должно быть, и задумал фильм «Крапачук» (производст- во Испании—Франции—Бельгии). Фильм взял Гран-при в Карло- вых Варах. После Монреаля о нем, полагаю, можно с уверен- ностью говорить как о самой смешной комедии года.

Липшатц, на первый взгляд, пошел по стопам восточноев- ропейских коллег, которые давно, еще году в 85—86-м (я не в осу- ждение, а к слову) поняли, что самый верный путь запустить фильм совместно с западной ки- нокомпанией, это предложить сюжет: не модные, оша- рашенные, ковыряющиеся в носу) — попали к вам, или ваши (существа с другой планеты) — к нам. По стопам-то по стопам, да независимой походкой. Лип- шатц придумал сюжетный ход небывший и теперь уже неповто- римый: два диких человека из Восточной Европы затерялись в Париже не только потому, что у них украли деньги и паспорта, но и потому, что их страна ни- кому неизвестна. Это не часть бывшей Чехословакии, или быв- шей Югославии, или бывшего Советского Союза. Это самостоя- тельное славянское государство. Не диктаторское, кстати, а демократическое. Со своими давними традициями и гимна- одой. Оно называется Пражеви- ца. Там еще торчит известная

являют русскими шпионами.

Тут-то вдруг и ловишь себя на необычном ощущении.

Во всех прежних вариациях подобного сюжета, от «Автосто- па» Никиты Михалкова до но- вейших модификаций, всегда на- ступал момент, когда зритель должен был умилиться и раз- мягчиться. Обнаружить, что ди- кары — это, если взглянуть, такие же люди. Почти как за- падные. Их вполне можно понять и полюбить. Не знаю, что на самом деле испытывал в этот момент нормально слабо развитый западный зритель, а я всегда ощущал неловкость и гнев. Мо- тив «Капитан Кук объясняет по- трясенным аборигенам принцип действия парового молота» имел место быть всегда (допускаю, что у Михалкова он возник впо- лне случайно).

«Крапачук» перевернул ситу- ацию... с головы на ноги или с ног на голову — это уж пусть судят другие. Французы там — за одним-единственным исклю- чением — сухи, эгоистичны, не- свободны, ибо их поведение ди- ктуется не чувствами, а норма- ми, штампами, условностями. Фильм, конечно, не имел целью обидеть французов. Французы в данном случае — представители цивилизации с развитыми стан- дартами. Эти двое, при всей смешной дикости, естественны и редкостно симпатичны. Они со- вершенно не рабы, а просто немножко стесняются. Мир анти- западный, Нелепый, абсурдный, но очень человеческий. В этот мо- мент, когда в невероятно смеш- ном фильме появляется вдруг доля идеологии, и режиссер на- чинает противопоставлять миру стандартов мир простых людей — эмигрантов из разных стран, в чью среду попали герои (вы- пасшие из гнезда эмигранты вы-

то может увидеть одну из са- мых великолепных актрис и са- мую красивую женщину совре- менного мирового кино. Любо- пытно: знал ли пражевидец Петр Зайченко, кого целует в кадре?

ФИЛЬМ французского ре- жиссера ЭДУАРДА НИ- ЕРМАНСА «Возвращение Казановы», провалившийся в Канне и с дружным презрением побитый мировой кинопрессой, я пошел посмотреть в Монреале... ну, скажем, для информации. А в итоге получил несомненное удовольствие. Почти вымерший тип: классное европейское кас- совое кино. Погади фильм в на- ши кинотеатры-ангары, те, что в новых микрорайонах (да еще бы хорошие копии...), билеты раскупили бы мгновенно. Ален Делон — раз. По-прежнему кра- сив, мужествен и очень прилич- но работает. Лихой и абсолют- но, как оказалось, непредсказу- емый любовно-авантюрный сю- жет — два. И самое главное: конечно, это типичная массовая культура. Киноластори. Но фильм-то при этом очень неглу- пый. Своеобразный философский action: приключенческое кино — но с мыслью. Интеллектуаль- ное кино для масс.

Не будучи штатным казаново- ведом, затрудняюсь судить, как соотносится фильм со своим ли- тературным первоисточником — одноименным произведением Ар- тура Шницлера — и образ, ко- торый создал Делон, — с тради- ционным образом Казановы. С «Казановой» Феллини это не соотносится никак. Постаревший и обнищавший персонаж Делона, который зарабатывает на жизнь карточным шулерством, скорее сравним с Дон Гуаном. Как если бы тот разминус в свое время с Командором. И остался.